

Наталия Александрова

Особенности субъектности человека на поздних этапах онтогенеза

I. Общая характеристика работы

Проблема старения населения

Социально-демографическая структура современного общества характеризуется постоянным увеличением количества пожилых и старых людей: во многих развитых странах наблюдается выраженная тенденция старения населения. В связи с этим отмечается повышенный интерес к этому возрастному этапу развития человека.

Проблема старости и старения становится объектом исследования многих наук: биологических, медицинских, социальных и т.д. Изменение возрастной структуры населения ставит перед обществом множество вопросов психологического характера: что наполняет внутренний мир стареющего человека, сохраняет ли человек до глубокой старости характерную для него структуру личности, способствуют ли какие-нибудь психические свойства или определенный тип структуры личности увеличению продолжительности жизни и т.д.

Личность на поздних этапах онтогенеза, с одной стороны, характеризуется общими возрастными особенностями пожилых и старых людей, с другой стороны, в старости индивидуальные черты личности становятся более яркими и выпуклыми (Costa P., McCrae R., Salthouse T.).

В изучении особенностей развития личности на поздних этапах онтогенеза существенное значение имеют теория гетерохронности (Ананьев Б.Г., Александрова М.Д., Визев Ст.К., Давидовский И.В., Рыбалко Е.Ф. и др.), концепция «акме» (Бодалев А.А., Деркач А.А., Кузьмина Н.В. и др.), теория жизненного пути и субъектности человека (Абульханова-Славская К.А., Анцыферова Л.И., Рубинштейн С.Л. и др.).

В научной литературе все более утверждается точка зрения, согласно которой старение не может рассматриваться как простая инволюция, угасание или регресс. Старение рассматривается как продолжающееся становление человека, которое включает не только многие приспособительные и компенсаторные механизмы жизнедеятельности, но и способы активного взаимодействия с миром. Люди позднего возраста вынуждены ориентироваться не только в новой внешней ситуации, но и реагировать на изменения в самих себе (Йолов Г., Петров И., Рыбалко Е.Ф., Эрикссон Э., Kausler D., Norris J., Pratt M., Schaie K.).

Психология старения или геронтопсихология занимается не только негативными возрастными сдвигами в личности пожилого человека. Не менее важно знать, какие положительные изменения в личности стареющих людей способствуют лучшей адаптации к новым условиям и увеличению продолжительности активной жизни (Armon C., Banajim M., Cohen G., Commons M., Crowder R., Hale S., Labouvie-Vief G., Larson R., Light L., Richards F.).

О личности пожилого человека, его мотивации, эмоциональных состояниях, самооценке и содержании Я-образа в этом периоде жизни человека пока не существует полных и достоверных знаний. Между тем научно обоснованные знания о старости как таковой, о личностном статусе пожилого человека и стиле жизни в старости позволяют не просто продлить жизнь, но и сохранить ее полноценной и активной (Baltes P., Dittman-Kohlis F., Kozma A., Hermans H., Kempen H. и Van Loon R., Havighurst, Markus H. и Nurius P., Norris J., Rubin K., Sansones C., Stones M.J., McNeil J.K.). В теоретическом отношении понимание сущности процесса старения имеет самостоятельную ценность, поскольку без понимания закономерностей развития на поздних этапах онтогенеза невозможно полностью охватить целостный процесс развития личности, происходящие в ней изменения и их динамику.

Мы предположили, что и на поздних этапах онтогенеза происходит дальнейшее развитие личности человека. Это развитие детерминировано субъектностью пожилого и старого человека, главным смысловым содержанием которой является отношение человека к себе как к активному деятелю в оставшийся период жизни.

Мы предположили также, что субъектность человека в пожилом и старческом возрасте обусловлена степенью сохранности идентичности, уровнем самопринятия, выраженностью Я-образа, уровнем и типом локализации контроля.

Гипотеза исследования

Задачи исследования

Для проверки гипотезы были сформулированы следующие задачи:

1. Провести теоретический анализ понятия субъектности на основе исследований в отечественной и зарубежной психологии.
2. Разработать дизайн исследования субъектности пожилого и старого человека.
3. Изучить личностные характеристики человека на поздних этапах онтогенеза: сохранность идентичности, функции контроля, выраженность Я-образа, уровень самопринятия, тип локализации контроля.
4. Выявить содержание и определить параметры субъектности в пожилом и старческом возрасте.
5. Определить гендерные различия субъектности пожилых и старых людей.
6. Разработать практико-ориентированные психологические программы для работы с пожилыми и старыми людьми в домах для престарелых и в других подобных заведениях.

Организация и методы исследования

В работе обобщены и представлены результаты изучения субъектности пожилых и старых людей в возрасте 60—89 лет. Для реализации сформулированных целей, проверки гипотезы и решения конкретных эмпирических задач был разработан специальный методический комплекс исследовательских методик. Этот комплекс включал в себя конкретные исследовательские шкалы и опросник изучения пожилых людей и стариков:

- Опросник ДИС-В (Vanderlinden J., Van Dyck R., Vertommen H., Verkes R.J.) для выявления степени нарушения идентичности, потери контроля и амнезии;
- Методика исследования личностного семантического дифференциала;
- Шкала самопринятия (Phillips E.);
- Шкала для исследования локализации контроля у пожилых людей (Alaphilippe D., Chasseigne G.). Также использовались специальные наблюдения и беседы. При обработке результатов исследования применялась программа статистической обработки SPSS (версия 8.0).

Основой для выборки респондентов были пожилые и старые люди, проживающие в домах престарелых, клиенты службы социального домашнего патронажа, посетители клубов «Пенсионер», клиенты специальных дневных стационаров в городах София, Пловдив, Радомир, Перник, Монтана, Бургас, Шумен и др. Объем выборки составил 820 психически сохранных пожилых и старых людей.

II. Основное содержание работы

Разнообразие исходных позиций
геронтопсихологии

Выполненные в области геронтологической психологии исследования отличаются большим разнообразием исходных позиций и методологических подходов. Однако работы всех направлений подчеркивают противоречивый характер процесса старения.

Ученые, изучающие проблемы старения, отмечают сложность самого психологического явления старости. Оно включает в себя взаимное влияние и взаимную обусловленность биологических, психологических и социальных факторов, связанных с индивидуальным существованием личности и ее возрастной изменчивостью; с возрастанием индивидуальных различий, происходящих с годами; с возрастным спадом и одновременно с обогащением психических, возможностей; с уровнем социальной активности, влияющим на процесс старения, и т.д. В работах подчеркивается, что одновременно с инволюционными процессами на всех уровнях организации человеческой жизнедеятельности наступают изменения и новообразования прогрессивного характера, направленные на преодоление деструктивных явлений в геронтогенезе (Йрлов Г., Петров И., Рыбалко Е.Ф., Эриксон Э., Kausler D., Norris J., Pratt M., Schaie K.). В мировой психологии можно выделить несколько основных направлений исследования взрослых и пожилых людей.

Экспериментальные исследования

Первое направление связано с разработками экспериментальных исследований, которые ставят целью понять, как и что развивается в психике человека в позднем периоде его жизни. Усилия исследователей при этом направлены на измерение социального интеллекта и мудрости людей этого возрастного этапа. Этот подход является по своей сути психометрическим, осуществляется с помощью батареи (комплекса) стандартизованных тестов; процедура проводится под строгим контролем и направлена на выявление индивидуальных различий, уровней выполнения когнитивного стимульного материала. По своей сути эти исследования лонгитюдинальны и имеют значение для получения знания об «интеллигентности» пожилых людей; о роли социального знания и умения, а также об их связи с реальной жизнью (Schaie K.W., Kausler D. и др.).

В контексте этой психометрической традиции преобладающее число исследователей направляют свои усилия на то, чтобы определить и измерить у пожилых людей их мораль, удовлетворенность жизнью и психобиологическое благополучие (Larson R.). Специфичность удовлетворен-

ности жизнью разрабатывается и измеряется в рамках «Я». В своих публикациях А. Kozma и его коллеги отмечают, что подходы к изучению самоудовлетворенности и благополучия могут быть охарактеризованы пятью способами: «снизу вверх», «сверху вниз», как «целостная личность», как «личность рассказывающая» путем «умозаключительной концептуализации».

Ресурсные теории

Второе направление относится к информационно-процессуальной перспективе в психологии. Основную теоретическую основу этой теории составляет положение о том, что человеческое мышление представляет собой фундаментальную параллель в отношении процесса информации. Т.А. Salthouse отмечает, что этот подход направлен на раскрытие специфических компонентов человеческого мышления на уровне, иллюстрирующем соотношение актуального поведенческого проявления и нейромеханизмов. Здесь представлены две структуры: с одной стороны, долговременность памяти и, с другой — сам процесс как часть информационных процессов. В этом плане предлагается и разрабатывается и так называемая ресурсная теория D.Kausler. Ею полагается, что специфические потери, которые относятся к старости, касаются когнитивных изменений. Исследователи предлагают два аспекта объяснения этих изменений, которые охватывают феномены «сужения пространства» и временных ограничений, медлительности; вводится понятие «рабочая память», которая понимается как ограниченная система, где информация собрана, трансформирована и применена для решения разных проблем. Другое объяснение возрастных дефицитов сконцентрировано на проблеме общей замедленности когнитивных процессов с возрастом. Такие изменения на поздних этапах развития человека частично соизмеримы со скоростью протекания процессов на разных этапах развития человека (S. Hale). Преобладающее объяснение этой общей замедленности когнитивных процессов — пространство и скорость (L. Light).

Одновременно с этим в психологической литературе отмечается, что существуют факты, которые показывают, что пожилые люди действуют и функционируют достаточно хорошо в реальной жизни. Так, например, Т. Salthouse пытается объяснить этот факт, подчеркивая, что лабораторные исследования раскрывают когнитивные процессы, которые не релевантны реальной жизни. Существует достаточно большое разнообразие противоречивых объяснений среди исследователей, работающих в этом направлении (M. Banajim, R. Crowder, G. Cohen).

Исследования «Я» пожилого человека не столь широко представлены в рамках информационно-процессуального подхода. В определенной степени эти разработки относятся к рассмотрению «социальной активности» и «процесса переработки социальной информации». Установлено, что для психологического самочувствия и благополучия человеку необходимы некоторые формы социальной включенности на более поздних периодах его жизни. В отношении социальной информации установлено, что социальные влияния и события требуют повышенной точности и своевременности (J.E. Norris, K. Rubin). Как показывают проведенные исследовательские опыты, устранение дефицита в этом процессе может способствовать лучшей адаптации пожилого человека.

Третье направление в исследовании психологии пожилых занимает социально-психологический подход. Взгляды M. Pratt и J. Norris обнаруживают тенденцию на объединение социальных репрезентаций с социальным опытом и взаимодействиями взрослых индивидов и людей пожилого возраста, а также их включенность в более широкие социальные системы. Они подчеркивают, что возраст сам по себе — это не объяснение психического изменения, поэтому необходимо акцентировать наблюдения и исследования личности всех возрастов и учитывать влияние всех факторов ее изменения: психических процессов, интересов, умений и др. Эти исследователи считают, что анализ вариативности внутри возрастных групп имеет очень важный теоретический и практический интерес в отношении изучения социокогнитивного развития человека в течение всей его жизни.

В рамках психологии индивидуальных различий особое развитие с целью анализа специфики личности пожилого человека приобретает в последнее время пятифакторная модель личностной структуры P. Costa, R. McCrae. В модели индивидуальных различий учитывается тот факт, что в структуре личности пожилого человека присутствуют постоянные и устойчивые характеристики, влияющие на его мысли, чувства и поведенческие акты. Пятифакторная модель указывает на стабильность индивидуальных различий. Систематизированные в пяти факторах черты личности конструируют индивидуальную специфичность и особенности развития личности пожилых людей. Проведенные исследования убедительным образом показывают, что каждый из этих факторов предназначен для понимания всего цикла жизни и влияния на выбор жизненных решений.

Д. Левинсон (D.J. Levinson) развитие человека рассматривает как результат взаимодействия между биологическими, психическими и социальными процессами. Основное понятие, которое операционализирует соотношение между этими процессами,— это индивидуальная жизненная структура. Сущностным компонентом ее являются аспекты «Я», которые приводят к структурированию личности. Закljučая свои наблюдения, Д. Левинсон пишет, что «учение о развитии пожилых еще находится в своем детстве».

Значительное место в психологических исследованиях психологии личности пожилых людей занимает концепция «Я-работающее», которая означает, что индивиды активны в течение многих лет в своих усилиях сконструировать приемлемые «Я» (Н. Markus, Р. Nurius, С. Sansone, С.А. Berg). Некоторые исследователи предполагают, что основной механизм в этом процессе — создание «Я». Прош-
лое, настоящее, будущее и идеальное «Я» — это возможные «Я», и они становятся частью винной истории человеческой реальности (Н.Ј.М. Hermans, Н.Ј.С. Kempen, R. Van Loon, R.Ј. Manheimer). Идея о возможных «Я» предполагает хорошо организованную Я-концепцию. Н.Ј.М. Hermans, Н.Ј.С. Kempen, R. Van Loon утверждают, что целостное «Я» составлено множеством «Я» и все они связаны в едином диалоге, в котором проявляются смысл и чувство в меняющихся обстоятельствах. Этот динамический аспект «Я», который координирует все компоненты развития «Я», зависит от психологических, временных, физических, а также социальных контекстов.

В современной геронтологической литературе (Dittman-Kohlis F.) рассматриваются взгляды на «Я» с точки зрения паттернов гибкости и адаптивности в группе пожилых людей, а также в характеристиках самовосприятия и оценки в отношении того, чего люди добились в жизни. Современные достижения в развитии Я-концепции опираются на когнитивно-аналитическую модель, которая основана на социально-когнитивных принципах развития. Развитие «Я» как активного субъекта, как деятеля имплицитно включено в теории «Я», где «Я» выполняет интегрирующую и организующую функции.

Все исследования социокогнитивного характера в большей или меньшей степени стараются решить эмпирические задачи и конкретнее отразить и измерить личностные характеристики и специфичность сформированности «Я» в пожилом возрасте. Эти подходы учитывают широкую вариативность личностных характеристик и стабильность проявления черт личности пожилого человека. Качест-

венные особенности пожилой личности имеют специфическую отраженность также в отношении функционирования и вариативности «Я» на последних этапах развития онтогенеза. Исследователи подчеркивают особую необходимость и актуальность методических разработок для более глубокого, глобального изучения личности пожилых людей в социальном контексте жизни, не пренебрегая и их индивидуальными генетическими предпосылками. Последние литературные источники показывают тенденцию акцентирования внимания на адаптационных механизмах пожилых людей.

Анализ представленных направлений, концепций иллюстрирует изучение разных аспектов личности человека пожилого возраста. При этом определенно можно сказать, что исследования имеют широкую социально-психологическую проблематику. М. Pratt и J. Norris, обобщая разные направления и подходы к изучению личности пожилого человека, подчеркивают, что только комплексный, ориентированный на весь процесс жизни анализ может дать исследователям возможность наметить свои теоретические перспективы на изучение, понимание процесса старения и личности пожилых и старых людей. В центре этого анализа находятся структуры «Я» пожилого человека.

Стабильность и динамика «Я» у
пожилых и старых людей

Резюмируя существующие взгляды на проблему, можно отметить, что исследование Я-образа как относительно стабильного и интегративного образования все чаще присутствует в психологических подходах. Современные исследования показывают, что «Я» представлено как иерархическая и многоаспектная структура. Систематические изменения житейских ситуаций преобразуют собственное «Я», которое со своей стороны провоцирует ряд изменений в содержательных компонентах иерархического структурного состава Я-образа. Изучение состояния и изменения Я-образа у пожилых и старых людей имеет ключевое значение для целостного понимания психической и личностной жизнедеятельности в пожилом и старческом возрасте. Исследования, ориентированные на выявление изменений Я-образа в пожилом и старческом возрасте, не развернуты в достаточной степени, а полученные данные неубедительны.

Рассуждая о развитии и изменении «Я» в период старости, Э. Эриксон, один из теоретиков так называемого развивающего подхода к проблемам «Я», считает, что основная проблема пожилого возраста — это понимание и принятие пожилым и старым человеком своего «Я» во всех его проявлениях. Они осуществляются благодаря решению задач

развития, которые относятся к социальным взаимодействиям. Это принятие Э. Эриксона называется генеративностью. Когда предыдущие задачи развития решены, то пожилые люди способны продвигаться к следующей задаче, каковой для пожилого возраста является развитие эго-интеграции. Эго-интеграция включает рефлексии и самовыражения. Если результаты этого процесса позитивны, то все «Я»-компоненты могут быть приняты как интегрированные, т.е. эго-интеграция завершена. А если они негативны, то в результате наступает депрессия, отчаяние.

Я-образ является результатом и предпосылкой развития личностной идентичности человека на всех его возрастных этапах. Достижение идентичности для человека связано с чувством целостности собственного «Я». Развернутость и сохранение идентичности — это смысл жизненного пути человека. Взаимообусловленность и взаимодействия «Я» и идентичности являются субкомпонентами в структуре и функционировании личности.

В исследовании М. Glenham и J. Strayer обосновали предположение, что существуют значимые взаимоотношения между идентичностью и интегративностью, особенно потому, что оба конструкта включают личностный аспект и смысловую согласованность, т.е. прошлая конструкция и настоящие «Я» в свете будущего. Интегративность предстает как самый яркий (видимый) психологический результат пожилого возраста, она определяет рассмотрение результатов прежней и последующей идентичности на более комплексном уровне интеграции, образованном финальной фазой человеческой реальности.

Вся идентичность персональна, так как она локализована в субъект-субъективном мире личности, и социальна, процессы ее формирования социальны по своей сути (А. Силгиджян).

В.В. Столин подчеркивает, что «одна из важных интегральных характеристик самосознания, которая связывает чувство ответственности и готовность для активности, как и переживания «Я», — представляет качество личности и охарактеризована в психологии как локализация контроля». Он утверждает, что локализация контроля является интегральной характеристикой самосознания, которая в определенной степени стимулирует или нет активность личности. В этом смысле это психическое образование (локализация контроля) является отражением в самосознания личности ее связей с мотивами жизнедеятельности, переживанием субъектом его «Я» и его связанности или несвязанности с событиями собственной жизни.

ни. Локализация контроля в духе сказанного выступает как проявление характера этой связи.

Локализация контроля может детерминировать жизненные мотивы и смысл всей человеческой жизни, может оказаться тем центром, который определяет характер и содержание образа «Я» на всех этапах жизни человека, и сыграть важную роль в сохранности идентичности пожилого человека. В этом контексте мы считаем, что конструктор локализации контроля становится важным качеством личности пожилого человека и имеет полифункциональную направленность в жизни людей пожилого и старшего возраста.

Локализация контроля отражает степень субъективной включенности Я-образа в жизнь человека, а также форму адаптивности пожилых к изменившимся для них условиям жизни, к принятию других и самопринятию, что составляет основу личностной целостности и интегративности человека и определяет его удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью в последние годы земного существования.

Если в 1970-х годах исследователи J.A. Kuypers, E.J. Longer, J. Rodin показали, что пожилые люди менее способны контролировать ход своей жизни, чем в зрелости, то в настоящее время ученые не поддерживают идею универсальности снижения личного контроля с возрастом.

Способность пожилого человека быть активным деятелем своей жизни определяется его субъектностью как комплексным качеством, которое детерминирует не только личностные свойства и качества, но и интенционально атрибутирующие условия духовной целостности пожилых людей. Наличие идентичности предполагает устойчивость, стабильность самовосприятия индивида и его уверенность в том, что другие воспринимают его таким, каков он и есть.

Содержание личностной идентичности пожилого человека конкретнее характеризует его субъектность, обособляя ее как особое качество. Это качество конституируется в комплексной структуре (модели), в которой оно является сущностным продуктом и функцией развития, изменчивости, парциальности или целостности содержания «Я». Это образование определяется уровнем и специфическими характеристиками (детерминантами, факторными измерениями) личностной идентичности.

Рассматривая состояние психологии через призму новых жизненных ситуаций, психология человека начинает расширять опыт работы с субъективным миром человека.

Быть активным деятелем в
пожилом возрасте

Субъектный подход к личности

В своих трудах С.Л. Рубинштейн обособляет два понятия, которые характеризуют человека, а именно: личность и субъект. При этом субъект рассматривается им как субъект сознательной деятельности. Подход С.Л. Рубинштейна ориентирован на поиск того специфического содержания, которое связано с обогащением созидательных возможностей личности как целого. Только тогда субъект раскрывается в своей подлинной самобытности и самостоятельности.

В работах С.Л. Рубинштейна и его последователей, с одной стороны, подчеркивается значимость внутренней детерминации субъекта, а с другой — имеет место отношение к субъекту как результату интериоризации общественного опыта.

Субъект в философско-психологической литературе определяется как носитель предметно-практической деятельности и познания, источник активности. Категория субъекта является общепсихологической и раскрывает качество активности человека, выявляет его место и роль в мире, способность к деятельности, самостоятельности, самоопределению и развитию. Начиная с 1920-х годов в психологии разрабатывается субъектный подход, раскрывается методологическая роль этой категории для определения предмета психологии, выявления специфики сознания, жизнедеятельности. Уже Б.Г. Ананьев оперировал дифференциальным понятием субъекта, различая субъекта познания, субъекта деятельности и субъекта общения. Субъект постоянно решает задачу совершенствования, и в этом его человеческая специфика. Проблема психологии пожилых — предмет ее исследования и практика помощи человеку — связаны прежде всего с таким теоретическим пониманием субъекта.

Потребность быть личностью

Качество личности как субъекта деятельности принципиально отличается от ее качества как субъекта жизненного пути. Личность является атрибутивной характеристикой каждого человеческого субъекта, и она является такой психологической характеристикой субъекта, которая регулирует его отношения с объективной действительностью. Человек обладает особой потребностью быть личностью, и эта потребность проявляется в активности, что дает основания определить личность как субъект активности.

Субъект является интегрирующей, централизующей, координирующей «инстанцией» жизнедеятельности. Он согласует всю систему индивидуальных, психофизических, психических и, наконец, личностных возможностей, особен-

ностей с условиями и требованиями деятельности не парциально, а целостным образом.

Необходимым признаком субъекта жизнедеятельности является его способность ставить и решать задачи активной адаптации к условиям своей жизни и способность самосовершенствования в процессе этой адаптации. Это тем более актуально на поздних этапах онтогенеза.

Пожилой человек как субъект жизнедеятельности — это субъект изменений и развития основных условий своего бытия. Этот процесс имеет сложный, противоречивый характер, что и создает объективную необходимость в возникновении особой внутренней инстанции, обеспечивающей осуществление активных действий в этом объективном процессе. Человек как субъект способен относиться к самому себе, оценивать свои способности жизнедеятельности. Личностно-преобразовательный способ существования человека как субъекта связан с появлением индивидуального самосознания, самопознания, самопринятия.

Различается анализ человека как субъекта жизнедеятельности и как субъекта внутреннего психологического мира. Человек как субъект внутреннего мира. Представляет собой целостность душевной жизни, психосоциальную реальность и содержание субъектного способа бытия (В.И. Слободчиков). В этой связи В.В. Столин подчеркивает, что субъект является условием актуализации и реализации самого себя.

Развитие личности, по С.Л. Рубинштейну, — это способность становиться субъектом. Таким образом, С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что для того «чтобы понять бытие не только в форме объекта, но и в форме субъекта, необходимо достичь истинного понимания субъектности».

Методологическая основа изучения субъектности заложена в концепции человека, выдвинутой С.Л. Рубинштейном, К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинским. Анализ изучения субъектной природы человека, выполненный в научной школе С.Л. Рубинштейна, приводит к пониманию субъектности как способности человека производить взаимообусловленные изменения в мире и в самом себе.

Субъектность есть центральное образование человеческой реальности, следовательно, центральная категория психологии человека, а конкретнее — личности человека. Субъектность возникает на определенном уровне развития личности и представляет ее новое системное качество. К.А. Абульханова-Славская подчеркивает функционально-онтологический статус субъектности. Таким образом, способность изменять окружающую действительность и

себя в отношении к ней, активно адаптироваться к среде и к самому себе — сущностная характеристика человека, определяемая его субъектностью и задающая качественный уровень бытия. Субъектность — это новое качество бытия, так как она дает возможность развернуть экзистенциальные измерения человека. Особенно на поздних этапах онтогенеза можно полагать, что личностно-психологические факторы субъектности могут актуализировать и решить бытийные задачи жизнедеятельности и сохранности пожилых и стариков.

Поскольку субъектность — свойство личности, личностные детерминанты будут определять субъектность человека. Личность имманентно содержит в себе субъектность. Если ориентироваться на структуру личности, предложенную С.Л. Рубинштейном, то обнаруживаются два основных фактора, влияющих на качество и развитие субъектности человека. Это мотивационно-смысловая сфера личности и самосознание. Субъектность — это свойство личности производить взаимообусловленные изменения в мире, в других людях, в себе. В основе этого свойства лежит отношение человека к себе как к деятелю (Е.Н. Волкова).

Субъектность пожилого человека

Личность пожилого человека меняется. Это может быть представлено как процесс и результат вхождения человека в новую социальную среду и как процесс интеграции в ней. Для пожилого человека, способного к продуктивному личностному самоопределению и активной адаптации, характерна прежде всего личностная субъектность. Активная адаптация — процесс, направленный на сохранение, но, в отличие от адаптации пассивной, он предполагает качественные изменения личности и может быть средством сохранения и развития человека в новых условиях. Реализацию субъектом его целей можно рассматривать как специфический вид адаптационного процесса, обеспечивающий активное взаимодействие субъекта со средой в пожилом и старческом возрасте.

Сущность адаптации может быть представлена в контексте анализа пожилого человека как субъекта своей жизнедеятельности. В определенном смысле форма и эффективность адаптации определяются субъектностью пожилого человека. Социальная ситуация развития во время старости изменяет в известной мере жизненные стереотипы, требует адаптации к новым внешним условиям. Пожилые люди вынуждены не только приспосабливаться к новым ситуациям и внешним условиям, но и адаптироваться к физическим, физиологическим, психологическим и социальным изменениям в себе.

По нашему мнению, процесс реализации активности личности возможен благодаря особой группе ее свойств, представляющих собой сферу саморегуляции и адаптивности конкретно у пожилого человека. Субъектность пожилого человека можно наблюдать только в ее проявлениях в жизни, в общении, в среде (и в конкретных формах жизнедеятельности) пожилого человека; в проявлении личности, в ее самосознании, в разных аспектах функционирования. Несмотря на то, что усилия многих исследователей в настоящее время направлены на поиск, интерпретацию и развитие средств описания и изучения субъектности человека, все еще существует определенный дефицит в отношении разработок экспериментальных методик для изучения личностных особенностей пожилых людей.

Диагностируя и измеряя идентичность личности пожилого человека, надо иметь в виду определенные атрибуции, предикативные предпосылки адекватности и реальности самовосприятия пожилого человека. В этом смысле реальные или кажущиеся изменения могут иметь свою объяснительную функцию адаптации или дезадаптации, изменения или стабильности, целостности личности на данном этапе жизни. Индексы нарушения или ненарушения идентичности имплицитно детерминируются диссоциативными симптомами. Одновременно с этим они имеют и свои личностные нюансы и проявления в отношении всей личностной системы пожилого и второго человека (П. Жане)

Эти обстоятельства мы учитывали при разработке диагностического комплекса, предназначенного для изучения специфических особенностей пожилых и старых людей. Дизайн нашего исследования включал в себя опросник ДИС-В (J. Vanderlinden, R. Van Dyck, H. Vertommen, R.J. Verkes) для выявления степени нарушения идентичности, потери контроля и амнезии; методику исследования личностного дифференциала; шкалу самопринятия (E. Phillips); шкалу для исследования локализации контроля у пожилых людей (D. Alaphilippe, G. Chasseigne); наблюдения, беседы с пожилыми людьми и стариками. Отличительными особенностями применения этих достаточно известных, надежных и валидных методик изучения личности являлись следующие: во-первых, эти методики были модифицированы для работы с людьми именно пожилого и старого возраста; во-вторых, все методики были адаптированы к социокультурным условиям Болгарии. При использовании опросника ДИС-В мы учитывали ряд обстоятельств следующего характера. Диссоциативные расстройства представлены в нем как прерывание

Необходимость диагностического
комплекса

или изменение нормальных интегративных функций идентичности, памяти и создания. В данном опроснике упомянутые выше диссоциативные расстройства раскрывают следующие основные характеристики: нарушения памяти (амнезия), расстройство идентичности (расстройство самовосприятия) и расстройство или изменение сознания (деперсонализация, дереализация). Последние исследования показывают, что диссоциативные симптомы часто связаны с переживанием сексуального злоупотребления, физического насилия или эмоциональной депривации (Van der Kolk B.A., 1987). Из четырех факторов измерения диссоциативных проявлений три: «Нарушение идентичности», «Потеря контроля», «Амнезия» — тесно связаны между собой. Причем фактор «Нарушение идентичности» является системообразующим: для него обнаружены сильные интеркорреляции с факторами «Потеря контроля» и «Амнезия». Четвертый фактор — «Абсорбция», по заключениям самих авторов опросника, имеет низкую интеркорреляцию. В силу этого мы не анализировали данные этого фактора в нашей работе.

В данном опроснике очень ярко выражен фактор «Нарушение идентичности», который учитывает вариативность проявления этой характеристики у пожилых людей. Шкала, описывающая этот фактор, содержит разные позиции, которые относятся к переживанию деперсонализации и дереализации себя. Переживание нарушения идентичности, с одной стороны, и деперсонализация и дереализация — с другой, представляют объемный (широко представленный) кластер в факторной структуре анализа данных по этому опроснику. Следует заметить, что в клинической практике часто очень трудно отличить эти диссоциативные аспекты, так как они проявляются в комбинации одного с другим. Низкая степень проявления «Нарушения идентичности» демонстрирует сохранность личностной идентичности пожилых и стариков, а это является основательной гарантией адекватности Я-образа. Кроме того, две другие шкалы, которые были выявлены примененной кластерной структурой, всегда упоминаются как базовые характеристики диссоциативных нарушений: потеря контроля и амнезия.

Результаты исследования

Результаты исследования диссоциативных нарушений у пожилых и старых людей представлены в табл. 1.

Субъектность пожилого человека является комплексным качеством, которое атрибутировано в большей степени отсутствием явного нарушения идентичности, отсутствием потери контроля и сохранностью интеллекта в рамках

низких значений амнезии. Индексы нарушения идентичности пожилых и стариков определяют проявление диссоциативных симптомов: недостаток интегрированности сознания или геронтологические изменения возраста.

Таблица 1. *Степень проявления диссоциативных нарушений у пожилых и старых людей*

Шкала диссоциативных нарушений	Степень проявления нарушений (стены)	Возрастная группа 60–74 года		Всего	Возрастная группа старше 75 лет		Всего
		1-й кластер	2-й кластер		1-й кластер	2-й кластер	
Нарушения идентичности	0–7 низкая степень	6,5	58	64,5	0	51	51
	8–14 средняя степень	24,6	5,1	29,7	20,4	10,2	30,6
	15–22 высокая степень	5,8	0	5,8	18,4	0	18,4
Всего		36,9	63,1	100	38,8	61,2	100
Потеря контроля	0–7 низкая степень	0,7	42,8	43,5	0	44,9	44,9
	8–13 средняя степень	26,1	20,3	46,4	18,4	16,3	34,7
	14–18 высокая степень	10	0	10	20,4	0	20,4
Всего		36,8	63,1	100	38,8	61,2	100
Амнезия	0–5 низкая степень	8,7	60,1	68,8	2	53,1	55,1
	6–10 средняя степень	26,1	2,9	29	28,6	8,2	36,7
	11–14 высокая степень	2,2	0	2,2	8,2	0	8,2
Всего		37	63	100	38,8	61,2	100

При обработке результатов исследования применялся логистический регрессионный анализ, с помощью которого ответы респондентов по всем пунктам всех интересующих нас шкал (нарушение идентичности, потеря контроля, амнезия) объединяются в два основных кластера. Каждый кластер показывает сходство ответов во всей совокупности пунктов в отношении исследуемой выборки. Это дает основание статистически обоснованно различать и характеризовать два обособленных нами кластера, которые существенно отличаются друг от друга. Средние значения показателей обоих кластеров достоверно отличаются, на основании чего статистически корректно определить смысловое содержание двух обособленных кластеров.

Как показывают данные табл. 1, и для пожилых людей в возрасте 60—74 лет, и для стариков в возрасте старше 75 лет характерно сохранение идентичности: в возрастной группе пожилых людей 64,5% выборки показывают низкие значения, 29,7% — средние значения нарушения идентичности; в возрастной группе старых людей 51% выборки показывают низкие значения, 30,6% — средние значения нарушения идентичности. Только 5,8% выборки пожилых и 18,4% выборки старых людей имеют высокую степень нарушения идентичности. Таким образом, нарушение идентичности в исследуемых возрастных группах имеет несимптоматический характер и обнаруживает тенденцию сохранности личности человека на поздних этапах онтогенеза.

По шкале «Потеря контроля» наблюдается та же тенденция: большая часть пожилых (90%) и старых (79,6%) людей сохраняют способность контролировать ситуацию, и только 10% пожилых и 20,4% старых людей обнаруживают высокую степень потери контроля.

По шкале «Амнезия» выявлено еще меньшее количество людей с диссоциативными расстройствами: 2,2% пожилых и 8,2% старых людей характеризуются значительными нарушениями памяти.

Эти данные показывают, что пожилые люди, которые регистрируются социальными службами как психически сохранные, действительно являются людьми с сохранной психикой. В то же время результаты, полученные с помощью опросника ДИС-В, показывают и определенный дефицит этих переменных для людей пожилого и старого возраста.

Индивидуальные различия респондентов генерализируются в двух кластерах.

Первый кластер охватывает 27,3% из всей выборки пожилых людей и 10,2% людей старше этого возрастного периода. Второй кластер охватывает 46% исследуемых пожилых людей и только 16,5% от выборки испытуемых старше 75 лет. Таким образом, первый кластер характеризует 37,5 % всех участников выборки, а второй кластер — 62,5%.

В первом кластере выявляется преобладающее среднее или высокое нарушение идентичности, потери контроля и средняя степень нарушения по шкале амнезии. Во втором кластере доминируют низкая степень нарушения идентичности, низкая или средняя степень потери контроля и низкая степень амнезии.

Гендерные различия в выявленных кластерах не обнаружены. Как для мужчин, так и для женщин в обоих кластерах наблюдаются близкие тенденции и отсутствуют статистически значимые различия в проявлениях нарушений идентичности, потери контроля и амнезии. Полученные результаты диссоциативных нарушений, подчеркивая интегративную функцию переживания идентичности, указывают на необходимость изучения содержания и структуры Я-образа и Я-концепции пожилого и старого человека.

Личностный семантический дифференциал демонстрирует возможности метафорического кодирования оценки, силы и активности «Я». С помощью этого метода конструируются представления человека о себе как системе личностных качеств и отношений. Каждая из шкал личностного семантического дифференциала имеет аффективную и денотативную нагрузку и дает возможность для измерения эмоционально-смысловых представлений о себе у пожилых и старых людей.

Используя регрессионный логистический анализ при обработке результатов по шкалам оценки, силы и активности «Я» пожилых и старых людей, мы рассматривали объединения респондентов в кластерах, выделенных ранее.

С помощью статистических процедур, определяющих весовые нагрузки шкал в выборке, мы исключили из анализа значения фактора силы «Я», поскольку этот фактор не обнаруживает различий между двумя кластерами. Показатели значений силы «Я» в структуре Я-образа пожилых и старых людей достоверно низкие и не различимые в двух кластерах. Это позволяет предположить, что и для пожилых и для старых людей, независимо от степени сохранения идентичности, контроля и памяти в житейских ситуациях, одинаково высока зависимость человека на поздних этапах онтогенеза от внешних обстоятельств и оценок, что определяется слабым самоконтролем и не-

способностью пожилых и стариков всегда вести себя так, как они хотели бы.

Значения факторов оценки и активности «Я» для двух возрастных групп приведены в табл. 2. Результаты таблицы показывают близкие значения средних показателей в двух возрастных группах каждого кластера. Сравнительно низкие значения по фактору оценки указывают на тенденцию критического отношения пожилых и стариков к самим себе, в какой-то степени на неудовлетворенность собственным поведением в общении с другими людьми.

Таблица 2. Значения факторов оценки и активности в двух возрастных группах

Возрастные группы	Факторы	Среднее значение	
		Кластер 1	Кластер 2
60–74 года	Оценка	8,38	2,79
	Активность	5,45	0,96
Всего		13,79	3,74
Старше 74 лет	Оценка	8,77	2,23
	Активность	4,98	0,05
Всего		13,73	2,27

Значения по фактору оценки в разных кластерах, заметно различаясь между собой, определяют смысловой характер содержания первого и второго кластера. В первом кластере наблюдается низкий уровень ощущения своей личностной значимости и ценности как у пожилых, так и особенно у старых людей. Во втором — уровень ощущения своей личностной значимости выше, отмечаются возрастание критичного отношения к себе и стремление к повышенной требовательности в общении с другими людьми.

Показатели активности «Я» в двух кластерах также различаются между собой. Во втором кластере значения активность «Я» невысоки в обеих возрастных группах: наблюдается тенденция к импульсивности, неуравновешенности поведения, неудовлетворенности собою, проявляющимся в отношениях с другими людьми. В первом же кластере показатели активности «Я» существенно выше: здесь проявляется тенденция пожилых и старых людей инициативности контактов, общительности. Это означает определенную удовлетворенность от общения с другими людьми.

И в первом и во втором кластере нет статистически значимых различий по признаку пола по факторам оценки и активности «Я». Однако можно выявить некоторые нюансы в показателях оценки и активности «Я» у группы мужчин и у группы женщин. Эти нюансы особенно заметны в группе пожилых людей. Женщины в возрасте 60–74 лет характеризуются преобладающе средними и низкими значениями фактора оценки. В этом возрасте они более критично относятся к себе, не всегда удовлетворены своим поведением. У мужчин наблюдается тенденция к большей удовлетворенности собой и снижению требовательности к себе. В то же время женщины этой группы более инициативны, общительны, чем мужчины. В группе старых людей гендерные различия менее явные.

Поскольку личностный семантический дифференциал не дает прямой и интегральной оценки отношения человека к себе, мы использовали шкалу Е. Phillips для выявления уровня самопринятия у пожилых и старых людей. Кроме того, шкала Е. Phillips, по мнению ее автора, раскрывает самопринятие как социально детерминированную характеристику, показывающую не столько изолированное, *per se*, самопринятие человека, сколько самопринятие, обусловленное отношением к человеку других людей. В табл. 3 представлены результаты анализа самопринятия пожилых и старых людей.

Таблица 3. *Уровень самопринятия у пожилых и старых людей*

Уровень самопринятия	Возрастные группы		Всего
	60–74 года	старше 74 лет	
Высокий	8,2	5,5	7,7
Средневысокий	36,5	36,4	36,5
Средний	44,3	40	43,4
Низкий	11	18,2	12,4
Всего	79,9	20,1	100

Обобщая результаты изучения самопринятия у пожилых и старых людей, можно констатировать выраженную тенденцию к самопринятию: высокий, средневысокий и средний уровень самопринятия обнаруживается у 87,6% всей выборки респондентов.

В обеих возрастных группах наблюдается преобладание среднего и средневысокого уровня самопринятия. Причем и в группе пожилых и в группе, старых людей сохраняется общая тенденция к самопринятию.

Однако существуют заметные различия в самопринятии у мужчин и у женщин. Уровни самопринятия, характерные для мужчин и женщин двух возрастных групп, представлены в табл. 4.

Таблица 4. *Уровень самопринятия у мужчин и женщин*

Возрастные группы	Группы по половой принадлежности	Уровень самопринятия	
60—74 года	Мужчины	Высокий	10,5
		Средневысокий	40,7
		Средний	41,9
		Низкий	7
Выше 74	Мужчины	Высокий	14,3
		Средневысокий	33,3
		Средний	33,3
		Низкий	19
60—74 года	Женщины	Высокий	6,8
		Средневысокий	33,3
		Средний	46,2
		Низкий	13,6
Выше 74	Женщины	Высокий	0
		Средневысокий	38,2
		Средний	44,1
		Низкий	17,6

Для мужчин типичной является средняя степень проявления самопринятия. Низкий уровень самопринятия не характерен для мужчин и встречается только у 9,3% респондентов всей выборки мужчин (и пожилых, и старых). При анализе по возрастным группам оказалось, что низкий уровень самопринятия присущ 7% респондентов из выборки мужчин в возрасте 60—74 лет, это составляет 5,6% из всей выборки мужчин. В отношении возрастного периода старше 74 лет низкий уровень самопринятия наблюдается у 19% мужчин, а относительно всей мужской совокупности — у 3,7%. Самопринятие у женщин имеет следующие особенности. Высокий уровень самопринятия для женщин не характерен и присущ только 5,4% всей выборки женщин, при этом в возрасте старше 74 лет высокий уровень самопринятия у них вообще не встречается.

Средний и средневысокий уровни самопринятия у женщин встречаются почти так же часто, как и у мужчин в обеих возрастных группах. Низкий уровень самопринятия в обеих возрастных группах встречается чаще, чем у мужчин.

Результаты статистического анализа данных по самопринятию у пожилых и старых людей показывают, что средние и средневысокие значения самопринятия у человека на поздних этапах онтогенеза не имеют существенных различий по признаку пола. Напротив, высокие и низкие значения самопринятия заметно дифференцированы: мужчины в основном обнаруживают высокий уровень самопринятия, женщины — низкий. Таким образом, пожилые и старые мужчины более восприимчивы к похвале и одобрению, а пожилые и старые женщины — к осуждению и критике.

Для того чтобы уточнить причины различий в самопринятии, мы обратились к изучению локуса контроля у пожилых и старых людей. Мы применили методику Дж. Роттера, адаптированную D. Alaphilippe и G. Chasseigne для пожилых и старых людей. Используя технику иерархического анализа Гутмана, мы получили результаты, которые показывают позицию каждого субъекта в отношении интернально-экстернальной интерпретации контроля собственного поведения. Результаты изучения типа локализации контроля у наших респондентов представлены в табл. 5.

Таблица 5. *Тип локализации контроля у пожилых и старых людей*

Возрастные группы	Количество респондентов (%)	
	Экстернальный тип локализации контроля	Интернальный тип локализации контроля
60—74 года	61,0	39,0
Старше 74 лет	54,4	45,6

Результаты показывают, что преобладающим в обеих возрастных группах является экстернальная локализация контроля, т.е. в целом пожилые и старые люди склонны приписывать ответственность за свои успехи и неудачи другим людям, внешним обстоятельствам, ситуации и т. д. Однако с возрастом экстернализация контроля несколько уменьшается и возрастает тенденция интернализации

контроля, т.е. повышается ответственность человека за свои поступки и причины успехов и неудач старые люди начинают искать скорее в себе, чем в окружающих и внешних обстоятельствах. Это, на наш взгляд, свидетельствует об определенной адаптации старых людей к ситуации их жизни, принятии себя таковыми, какие они есть, и опоре на опыт собственной жизни.

Следует отметить, что внешняя локализация контроля характерна прежде всего для женщин в возрасте 60–74 лет и для мужчин старше 74 лет.

Субъектность пожилых и старых

Проведенное исследование позволяет определить субъектность пожилого и старого человека как интегративное системообразующее качество личности, раскрывающее возможности активной адаптации в этом возрастном периоде к быстро меняющимся условиям жизни и среды, к другим людям и к самому себе. В свете представленных материалов исследования возникает задача подготовки людей к старению, решение которой не исчерпывается лишь поддержанием физического состояния индивида, а требует практической психологической помощи пожилым и старикам, чтобы они могли активно адаптироваться и полноценно жить, а не доживать свой век.

III. Выводы

1. Старение не означает однонаправленного процесса изменений личностных структур в сторону регресса. Пока человек жив, сохраняется тенденция к его личностному развитию. Активная адаптация в пожилом и старческом возрасте связана с уровнем развития субъектности человека.
2. Субъектность пожилых и старых людей представляет собой интегральное личностное образование, вбирающее в себя основные характеристики самосознания: переживание идентичности, сохранность контроля, устойчивость и вариативность Я-образа, уровень самопринятия, интернальный тип локализации контроля.
3. Принятие пожилым и старым человеком себя как активного деятеля в оставшийся период жизни является детерминирующим и центрообразующим в многокомпонентной структуре субъектности. Именно деятельная позиция в жизни позволяет человеку активно адаптироваться к изменяющейся среде и другим людям (повзрослевшим детям и внукам, утраченным друзьям и родственникам и т.д.), к собственным физическим, физиологическим, психологическим и социальным изменениям.

-
4. Обнаружены различия в содержательных характеристиках субъектности пожилых и старых людей в зависимости от их половой принадлежности.
 5. Средством оптимизации и психологической профилактики процесса жизни людей на поздних этапах онтогенеза является специальная деятельность окружающих людей — родных, психологов, социальных работников, медицинского персонала, направленная на создание условий, наиболее благоприятных для поддержания активного тонуса, интереса к миру, ощущения своей нужности, ответственности за себя и близких и пр.

